

Глава 21

Ночной визит в чёрную лавку

Выходя из дома, Сун Цяньцзи захватил с собой не только меч, но и талисман, подаренный Чэнь Хунчжу.

Путь был свободен. Трижды его останавливали патрули из Зала Правосудия, но, увидев красного бумажного журавлика на его груди, тут же расступались. Ученики, дежурившие у горных врат, тоже приветствовали его с уважением и провожали взглядами, когда он проходил под аркой.

В их взглядах, однако, читалось странное выражение — смесь зависти и сочувствия.

Едва силуэт Сун Цяньцзи растворился в ночи, они нетерпеливо сбились в кучу, чтобы посплетничать. Утомительное ночное дежурство наконец-то озарилось событием, которого хватит на всю ночь разговоров:

— Куда это он посреди ночи? Ты не спросил?

— У него талисман Старшей госпожи, я что, самоубийца? Сам бы и спросил.

— Эх, кто там говорил, что внешность для мужчины не важна? Красавчикам всегда всё сходит с рук.

Школа Хуавэй располагалась в уезде Шанлинь на континенте Тяньси. На всём континенте она была единственной великой державой, подобной Огромному Древу, что подпирает Небеса, — с могучими корнями и раскидистой кроной. Бесчисленные города, государства и племена смертных искали её покровительства. В каждой подвластной территории стояли храмы, где знать и назначенные школой бессмертные чиновники по расписанию совершали подношения золотым статуям главы школы и владык пиков, приумножая тем самым удачу и процветание Хуавэй.

Город Хуавэй был лишь одним из таких мест. Расположенный всего в нескольких ли от горы Хуавэй, он процветал под сенью великого древа. Нечестивые совершенствующиеся не осмеливались сюда соваться, и город, с населением более миллиона человек, жил в мире и благоденствии.

Весенней ночью эта величественная цитадель, где не было ни комендантского часа, ни запертых дверей, казалась особенно прекрасной. Сам ночной ветер здесь был нежнее и пьянящее.

Пойди Сун Цяньцзи на восток, он бы очутился среди танцевальных павильонов и музыкальных

террас, где золотые фонари сияли, как солнце. Там он непременно столкнулся бы с такими, как Чжао Цзихэн, что швырялись деньгами, утопая в вине и объятиях красавиц.

Пойди он на юг, в кварталы игорных домов и меняльных контор, где до небес стоял азартный гул, он, возможно, встретил бы Сюй Каншаня и Цю Дачэна, что азартно бросали кости, то стуча кулаками по столу от досады, то взрываясь от радости.

Но Сун Цяньцзи направился на север.

Северная часть города была сплетением старых улочек. Жители здесь ложились спать рано, и ночную тишину нарушали лишь лай собак, мяуканье кошек да плач младенцев. Таверны, лапшичные, шёлковые лавки и парфюмерные магазины давно были заперты, и только несколько потрёпанных винных знамён сиротливо трепетали на ветру.

Старые переулки, узкие и длинные, переплетались, как паутина. Приезжий, не знающий города, без местного провожатого непременно заблудился бы в тупиках. Потребовался бы месяц, чтобы хоть как-то здесь ориентироваться.

Но Сун Цяньцзи шёл уверенно, без малейших колебаний. Ни одного неверного шага, ни одного неверного поворота.

Прохладная весенняя луна заливала светом пустынную улицу. Каменные плиты, отполированные ветрами и дождями, отражали его вытянутую тень.

Он вдруг вспомнил, как в прошлой жизни, в это же самое время, шёл по этой же самой дороге.

Школа Хуавэй, могущественная и великая, не смогла стерпеть позора: какой-то мелкий ученик внешней школы убил человека на её территории, да ещё и сбежал из-под стражи. Сочтя это неслыханным оскорблением, школа объявила на него охоту по всему миру совершенствующихся.

Сун Цяньцзи спасался не только бегством. Покинув гору, он был всего лишь на стадии Переработки ци — мелкая рыбёшка. Куда ему было тягаться с высокоуровневыми совершенствующимися? Поэтому он чаще прятался. Он полагался на свою феноменальную наблюдательность, на осторожность, продумывая каждый шаг, и на высокомерие и беспечность сильных мира сего.

Он намеренно оставил следы, ведущие прочь из города, а сам дерзко вернулся, затаившись в самом сердце владений Хуавэй. Переодеваясь то в уroda, то в калеку, то в нищего, он отчаянно совершенствовался.

Все тёмные переулки, все закоулки и собачьи лазы города Хуавэй он знал лучше ночного сторожа. В его сознании была выгравирована карта, и он постоянно просчитывал, с какой

стороны может появиться враг, какой путь выбрать для отступления, чтобы быстрее всего оторваться от погони.

И хотя много лет спустя мир совершенствующихся назовёт его «Непобедимый в ста битвах Сун Цяньцзи», первым, чему он научился, было не обнажать меч для боя, а уносить ноги.

И вот он снова здесь, в полнолуние.

Сун Цяньцзи шёл, неся в руке длинный меч и купаясь в лунном свете, словно на неспешной прогулке.

В этой жизни он больше никогда не будет спасаться бегством.

Старая улица была тихой и тёмной, лишь в одной лавке ещё горел свет.

Сун Цяньцзи остановился перед ней с лёгким чувством ностальгии.

На вывеске с облупившейся краской можно было разобрать лишь два последних иероглифа: «Ломбард».

Все крупные ломбарды города Хуавэй располагались рядом с игорными домами. Этот же был слишком мал, слишком стар. Огонёк внутри был тусклым, как горошина. Лавочник щёлкал на счётах, помощник отгонял мух, а старый кот дремал.

Войдя в зал, он увидел на белой стене напротив пару нелепых, нерифмованных строк.

Верхняя гласила: «Кто из людей избежал смерти с древних времён?»

Нижняя отвечала: «Богатство и деньги — лишь прах мирской».

А поперёк было начертано: «Внезапное богатство».

Сун Цяньцзи стоял посреди зала, но на него никто не обращал внимания. Лишь иероглиф «смерть» из верхней строфы смотрел на него с трагической неотвратимостью.

Для заведения, ведущего торговлю, здесь было слишком мрачно и зловеще.

— Дело есть! — первым обратился к помощнику Сун Цяньцзи. — Хочу заложить вещь.

— Что заложить? — Старый лавочник приподнял веки и, прищурившись, окинул его взглядом.

— Меч.

Старый меч с сухим стуком лёг на длинный прилавок. Звук разбудил дремавшего у окна кота.

— Десять духовных камней, без торга.

Лавочник бросил взгляд на помощника, и тот, зайдя за прилавок, отсчитал камни и протянул посетителю с таким видом, словно делал огромное одолжение.

— Десять духовных камней. Как раз хватит на цитру, — сказал Сун Цяньци.

— А откуда ты знаешь, что мы продаём цитры? — только теперь помощник посмотрел на него с удивлением. — Нет, погоди, откуда ты знаешь, что наша цитра стоит именно десять камней? Ты же здесь никогда не был!

— А откуда ты знаешь, что я не был? — улыбнулся Сун Цяньци. — Может, это ты забыл.

— Невозможно! Я с первого взгляда... — не унимался паренёк.

— Много болтаешь! — оборвал его лавочник и, сурово зыркнув на помощника, приказал: — Принеси цитру.

На длинном прилавке рядом с мечом Сун Цяньци легла цитра.

Он взял её, взвесил в руках, тронул пару струн.

Корпус был прочным, звук — чистым. Семь струн образовывали небольшую формацию усиления звука, идеально подходящую для начинающего звукового совершенствующегося.

Во всём городе Хуавэй это была, безусловно, лучшая цитра, которую можно было купить за десять духовных камней.

— Не то, — нахмурился Сун Цяньци.

— Что не так? — возмущился паренёк. — Я с первого взгляда определил, какая цитра тебе подходит! В нашей лавке нет инструмента, который подходил бы тебе лучше.

Лавочник, снова недовольный болтливостью помощника, стукнул его по голове счётами.

— Это не для меня, — сказал Сун Цяньци. — Слишком тяжёлая. Есть полегче?

Корпус цитры был тяжёл, хрупкая девушка могла его не удержать. Струны тоже были тугими, и без достаточной силы пальцев из них не извлечь звука.

— Ты покупаешь цитру для другого? — Выражения лиц лавочника и помощника изменились.

— Да, — кивнул Сун Цяньцзи.

— В подарок? Девушке-совершенствующейся? — Старый лавочник, до этого лениво молчавший, вдруг расплылся в самой радушной улыбке. — Что же ты сразу не сказал! Проходи, присаживайся, поговорим. Сяо Чжо, чего застыл? Завари гостю чаю, у нас наклёвывается дело! Эх, бестолковый парень, совсем глаз не намётан!

Помощник по имени Сяо Чжо закатил глаза и пошёл заваривать чай.

— Не стоит беспокоиться, мне нужна всего лишь одна цитра, — сказал Сун Цяньцзи.

— Покупая цитру для девушки, без беспокойства не обойтись, — усмехнулся лавочник.

«Нечего мне голову морочить, — подумал Сун Цяньцзи»

Из-за Мяо Янь в прошлой жизни он купил не одну цитру. Знаменитые цитры, как и знаменитые мечи, — вещь редкая, их не найти по желанию. Однажды он приложил немало усилий, раздобыв десять свитков редчайших древних нот и давно утерянную цитру «Голос древности», чтобы преподнести Мяо Янь в качестве свадебного дара.

На прилавок выставили десять изысканных шкатулок из сандалового дерева. Помощник открыл их одну за другой, и лавку залило сиянием.

На одних цитрах были изображены золотые фениксы, другие были украшены жемчужной фольгой, третьи — искусной резьбой, четвёртые — инкрустированы драгоценными камнями...

Захудалый ломбард в мгновение ока превратился в сверкающий дворец, переливающийся всеми цветами радуги.

— Что-нибудь приглянулось? — спросил лавочник. — Если эта партия не подходит, есть и другие.

— Мне нужна обычная, только полегче, — ответил Сун Цяньцзи.

— Так не пойдёт! Дарить девушке обычную цитру — это же позор. Мы таким не занимаемся, — замахал руками лавочник.

Сун Цяньцзи бросил взгляд на ценники на шкатулках, и у него закружилась голова:

— Вы по таким ценам хоть что-то продаёте? Это же не Школа Божественной Мелодии, в городе не так уж много девушек играют на цитре!

— Даже если сами девушки не могут себе это позволить, всегда найдутся такие, как ты, готовые за них заплатить. Поэтому на женщинах всегда заработаешь больше, чем на мужчинах, — без тени смущения заявил лавочник.

Сун Цяньцзи не нашёлся, что возразить:

— ...Звучит резонно.

— Кто этого не понимает, тот большого дела не сделает! — с гордостью продолжил лавочник.
— Оставь этот меч, а цитру за двести двадцать я отдам тебе за двести. Как тебе?

Он явно принимал Сун Цяньцзи за богатого дурачка и хотел сорвать с него куш.

Сун Цяньцзи покачал головой:

— У меня нет денег.

— Нет денег?! — лицо лавочника мгновенно переменялось. — Нет денег, а подарки покупаешь? Нет денег, а за девушками ухаживаешь?

Сун Цяньцзи не стал ничего объяснять, забрал меч и направился к выходу.

— Даже цитру подарить не можешь, так и останешься до конца жизни без даосской спутницы!
— крикнул ему в спину лавочник.

«Пф, — подумал Сун Цяньцзи, — в прошлой жизни я подарил лучшую цитру в мире, и всё равно остался без спутницы»

— Да оставь ты его. Не очень-то ему и надо, — с улыбкой сказал помощник Сяо Чжо. Он, казалось, был рад, что у лавочника сорвалась сделка, и неискренне добавил: — По нему же видно, что для него в этом мире нет ничего важного. Какая-то там даосская спутница, что за мелочь.

Сун Цяньцзи уже переступил порог левой ногой, как вдруг вспомнил о поникших от слёз ростках фасоли и бальзамина у себя во дворе.

«Разве может человек жить на свете и не иметь ничего дорогого сердцу? Какое право ты, работник чёрной лавки, имеешь говорить, что у меня ничего нет?»

Он обернулся и решительно направился к старому лавочнику:

— У меня нет денег, но я хочу купить цитру.

Раз уж пришёл, нужно сделать ещё одну попытку ради своего огорода.

Лавочник расхохотался от злости:

— Ты что, грабить собрался? Не видишь, куда пришёл? А я-то думал, ты человек знающий...

— Я хочу спуститься вниз, — сказал Сун Цяньцзи.

Ироничная усмешка на лице лавочника застыла. Пухлый старый кот жалобно мяукнул и скрылся из виду.

Сяо Чжо подскочил, как подстреленная птица, и с грохотом запер дверь лавки.

— Я хочу спуститься вниз, — повторил Сун Цяньцзи.

— Откуда ты пришёл? — спросил лавочник.

— Происхождение не спрашивают! — невозмутимо ответил Сун Цяньцзи.

— Куда ты идёшь?

— Путь не спрашивают!

— Товар может быть нечистым, могут быть проблемы.

— Жизнь и смерть не спрашивают! — закончил Сун Цяньцзи.

— Хорошо, прошу!

В глазах старого лавочника сверкнул острый блеск, и от него повеяло едва уловимой мощью мастера на стадии Золотого ядра. Юный помощник выпрямился, и оказалось, что он тоже совершенствующийся, достигший стадии Создания основы.

Стена с зловещими строфами беззвучно разошлась, открывая тёмный проход.

Весенний ветер трепал винные знамёна на улице, но не мог проникнуть в распахнутые окна ломбарда. Словно невидимая формация отрезала это место от внешнего мира, превратив его в заводь со стоячей водой.

Это была подпольная чёрная лавка.

Такое представление могло бы напугать большинство людей.

Но для вольного совершенствующегося Сун Цяньци чёрная лавка была как родной дом. Он уверенно шагнул в темноту.

Подобных чёрных лавок в мире совершенствующихся было шесть. Ломбард в городе Хуавэй — лишь одна из них. Другие маскировались под зерновые амбары, парфюмерные лавки, мясные ряды...

В этих заведениях, стоило «спуститься вниз», покупатель не спрашивал о личности продавца, а продавец — о том, кому и для чего предназначается товар. Идеальное место для сбыта краденого и перепродажи. В прошлой жизни Сун Цяньци часто пользовался их услугами. Но даже спасаясь бегством к Снежной равнине, он так и не узнал, кто стоял за этой сетью. Он лишь смутно догадывался, что это был какой-то могущественный мастер, ныне покойный.

Человека уже не было, но его подчинённые продолжали преданно вести его дела, словно отдавая дань памяти.

***

Полная луна висела на ветвях персикового дерева, бросая на стену двора причудливые, узорчатые тени.

Хэ Цинцин сидела у ворот, обхватив колени. Ночь становилась всё глубже, ветер — холоднее. Она невольно задрожала.

Она провела рукой по лицу и почувствовала, что слёзы давно высохли. Кончики пальцев были холоднее щёк.

Она давно уже не плакала.

Когда плачет красивая девушка — это фея роняет слёзы, прекрасная, как цветок груши под дождём. Это трогает сердца и вызывает сочувствие.

Когда плакала она, это было душераздирающее зрелище. Люди, видевшие это, испытывали лишь ужас, а самые впечатлительные потом мучились кошмарами.

В траве стрекотали сверчки, отчего ночь казалась ещё более одинокой.

Хэ Цинцин замёрзла и проголодалась. Она невольно подумала: вернётся ли тот человек?

Может, он просто посмеялся над ней? Если так, то... ничего страшного. Она привыкла.

Она видела, что тот человек пользовался большим авторитетом и уважением среди учеников внешней школы. Наверное, как Старший брат Цзы Е в Академии «Зелёный Утёс».

Она была в грязи, а они — на небесах. Сердца людей и так не сходятся, а тут ещё и такая пропасть.

В конце тропинки зашелестели цветы, слышались шаги, и показался силуэт.

— Сун... — Хэ Цинцин резко вскочила, но, разглядев пришедшего, свет в её глазах погас.

Это была женщина в красном.

Развевающийся подол её платья, яркий и прекрасный, был подобен факелу, что почти зажёг ночную тьму.

Хэ Цинцин, одновременно восхищённая и напуганная, не смела смотреть на неё и опустила голову, ожидая, пока та пройдёт мимо.

Но та не проходила мимо. Она направилась прямо к ней и остановилась в трёх шагах, создавая гнетущее ощущение.

— Ты кто? — спросила женщина в красном.

Её тон был таким, будто хозяйка спрашивает незваного гостя, нагло вломившегося в её дом.

— Академия «Зелёный Утёс», Хэ Цинцин, — девушка в белом присела в поклоне и тихо ответила. — Приветствую тебя, даосская подруга.

Следующий вопрос должен был быть: «Что ты здесь делаешь?», но Чэнь Хунчжу внезапно не смогла его задать.

Имя Хэ Цинцин показалось ей смутно знакомым.

Она только что обошла двадцать дворов вокруг жилища Сун Цяньцзи. Никто не сказал ей, куда он направился.

Лишь благодаря движению талисмана слежения она узнала, что Сун Цяньцзи ночью покинул гору. Расспросив людей в Зале Дьяконов, она выяснила, что произошло днём: те шестеро из «Зелёного Утёса» приходили задираться и привели с собой уродливую девушку, чтобы спровоцировать Сун Цяньцзи, но сами же и сбежали.

А те двадцать «информаторов», которых она завербовала, просто оставили данные ею духовные камни и талисманы связи у ворот своих дворов. Никто не передал ей ни слова. Их позиция была предельно ясна: они больше не будут на неё работать, даже за вознаграждение, даже под угрозой порки.

Чэнь Хунчжу впервые в школе Хуавэй столкнулась с тем, что её слова ничего не значат. Она думала, что впадёт в ярость, но смятение в её душе было сильнее гнева.

Она могла бы вышибить двери тех двадцати дворов, выволочь оттуда этих неблагодарных учеников и хорошенько их высечь. Но не сделала этого.

Она искренне недоумевала, почему всякий раз, когда дело касалось Сун Цяньцзи, всё шло наперекосяк.

Когда страх и кнут перестают действовать, а соблазны и духовные камни теряют свою силу — это заставляло её волосы вставать дыбом.

Внешняя школа, хоть и была низшей ступенью, служила фундаментом, на котором держался такой колосс, как Хуавэй. Ученики внешней школы должны были быть самыми послушными и управляемыми. Дай им малейшую надежду, и они будут отчаянно сражаться и проливать кровь за школу.

Что, если таких, как Сун Цяньцзи, будет не один, а тысячи?

Сможет ли тогда школа Хуавэй сохранить свой контроль над учениками внешней школы, над вассальными государствами, над всеми низшими совершенствующимися континента Тяньси?

Она всё-таки была дочерью главы школы, Истинного Сюйюня. Сегодняшние события заставили её внезапно осознать, что власть, основанная на страхе, обречена на поражение перед лицом достоинства.

Во внешней школе никто по-настоящему не уважал её, но все уважали Сун Цяньцзи.

К счастью, Сун Цяньцзи был один. Он не был учителем в академии и пока мог влиять лишь на группу учеников внешней школы.

При мысли об академии Чэнь Хунчжу вспомнила, как днём они со Старшим братом встречали ректора и проктора Академии «Зелёный Утёс». Даже такой гений, как проктор Цзы Е Вэньшу, с его вечно каменным лицом, должен был быть строг к себе и служить примером, чтобы поддерживать свой авторитет и завоёвывать искреннее уважение студентов.

Почему же Сун Цяньцзи, который целыми днями копается в земле, поливает цветы и ест лапшу, добивается того же самого?

Если бы Цзы Е Вэньшу узнал об этом, разве он не умер бы от злости?

Мысли Чэнь Хунчжу блуждали, и тут её словно ударило молнией.

Она уставилась на Хэ Цинцин, её взгляд, казалось, проникал сквозь тонкую ткань одежд:

— Так это ты та девушка, которую Цзы Е Вэньшу спас, в одиночку ворвавшись в Дьявольскую пещеру Западного моря?

Хэ Цинцин вся содрогнулась.

Цзы Е Вэньшу прославился на весь мир совершенствующихся ещё до того, как стал проктором. Каждый ученик академии мог наизусть пересказать историю о том, как он в шестнадцать лет в одиночку ворвался в Дьявольскую пещеру Западного моря, уничтожил демона-кукловода и спас невинных людей, которых тот использовал как марионеток.

История была захватывающей и вдохновляющей. Проктор, будучи на начальной стадии Золотого ядра, одолел и уничтожил нечестивого совершенствующегося на стадии Зародыша души, прославившись в одной битве.

На самом деле, та битва была ужасающей. Ударная волна была так сильна, что из всех спасённых смертных выжила лишь одна.

Двенадцатилетняя девочка.

Цзы Е Вэньшу отправил её в Академию «Зелёный Утёс» — это не стоило ему ни малейшего труда. А затем он продолжил свои странствия по четырём континентам, пополняя свою копилку легендарных подвигов.

Вернувшись, он уже и забыл об этом случае.

Хэ Цинцин, как живое свидетельство этой истории, с её шрамами на лице — доказательством злодеяний демона, — по счастливой случайности попала в Академию «Зелёный Утёс» и, сама того не ожидая, ступила на путь совершенствования.

Год за годом, всякий раз, когда кто-то вспоминал о подвиге проктора или о добродетели академии, приютившей жертву, её выставляли напоказ.

Все твердили ей, что она должна быть благодарна.

Хэ Цинцин не могла испытывать благодарность, и от этого ей было стыдно и больно.

Она могла лишь терпеть.

Но иногда, чем больше ты уступаешь, чем больше терпишь, чем больше боишься, тем больше людей тебя обижают.

— Да, это я, — услышала она свой с трудом выдавленный ответ.

Она боялась, что та, как и все студентки академии, с любопытством и восторгом начнёт расспрашивать её о Цзы Е Вэньшу. Она ведь ничего о нём не знала и не могла ответить. И, по её опыту, любой ответ был бы неверным.

Но девушка в красном сказала:

— Я — Чэнь Хунчжу. Ты меня знаешь?

Хэ Цинцин изумилась.

Единственная дочь главы школы Хуавэй. Её называли Старшей госпожой, принцессой Хуавэй.

И вот они, посреди ночи, так долго разговаривают лицом к лицу.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Чэнь Хунчжу.

Вопрос вернулся к самому началу их встречи.

— Даос Сун сказал мне ждать его здесь, — ответила Хэ Цинцин.

Неведомо почему, в сердце Чэнь Хунчжу вспыхнул безотчётный гнев.

— Почему он велел тебе ждать?

— Не знаю. Я плакала здесь, он вышел, увидел меня и велел никуда не уходить и ждать его возвращения, — голос Хэ Цинцин становился всё тише. — Старший брат Сун — хороший человек.

«Что за человек ученик моей школы, не тебе, чужачке, мне рассказывать, — подумала Чэнь Хунчжу»

— Ха, ты думаешь, у него добрый нрав? С виду он покладистый, а на самом деле — упрямец, твёрдый, как кремень, его ничем не прошибёшь!

Чэнь Хунчжу вспомнила, как трижды наткнулась на его непреклонность, нахмурилась и холодно усмехнулась:

— Просто ты его своим плачем достала, вот он и сбежал на улицу, якобы тренироваться с мечом!

— Я... я верю ему. Он сказал ждать, и я буду ждать, — едва вымолвив эти слова, Хэ Цинцин сама испугалась.

Она впервые возразила кому-то. И кому — самой Чэнь Хунчжу.

Но не ради себя, а лишь чтобы доказать, что Сун Цяньцзи держит своё слово.

— Спорим, он сегодня не вернётся, — Чэнь Хунчжу поправила юбки и села прямо на землю. — Я тоже подожду.

Две девушки сидели рядом на каменных ступенях перед воротами.

Одна в алом, как пламя, другая — в белом, как иней.

Обе смотрели на одну и ту же луну, но думали о разном.

«Если школа Хуавэй хочет простоять тысячу лет, таких, как Сун Цяньцзи, не должно быть много, — думала Чэнь Хунчжу»

«Если Старший брат Сун и не вернётся, я не буду его винить. Встретить такого человека хотя бы раз — уже большая удача, — думала Хэ Цинцин»

А горная луна и не ведала о том, что творится в их сердцах.

<http://bllate.org/book/16982/1585500>